

Пётр III

Этого человека с полным основанием можно отнести к числу наиболее странных и противоречивых деятелей российской истории. Споры о нем начались при его жизни и продолжаются до сих пор. Наиболее употребительно мнение о Петре III как об умственно неполноценном человеке, едва не приведшем страну к хаосу. С этой точки зрения все его шестимесячное царствование представляется досадным недоразумением, вовремя исправленным гвардейскими полками во главе с Екатериной II. Но в отечественной и зарубежной литературе имеется ряд работ, в которых политика Петра III признается вполне обоснованной, а сам он предстает способным государственным деятелем, не успевшим в полной мере реализовать свой творческий потенциал. Так кем же он все-таки был?

Наследник престола

Десятого февраля 1728 года в столице маленького германского герцогства Голштейн городе Киле родился мальчик, в котором соединилась кровь правителей России и Швеции. Отец ребенка, герцог Голштейн-Готторпский Карл Фридрих, был племянником короля Карла XII, а мать, цесаревна Анна Петровна, – дочерью Петра I. Мальчик был наречен Карлом Петром Ульрихом в честь двух великих монархов и своей бабушки Ульрики Элеоноры – старшей сестры Карла XII. По сложившейся династической ситуации голштейнский принц получил права как на российскую, так и на шведскую корону. Кто знает, как сложилась бы судьба Карла Петра Ульриха, если бы он стал шведским королем. Он мог жить долго и счастливо, жениться удачно и прославиться великими делами. Но случай распорядился иначе...

Мальчик был несчастлив почти с момента появления на свет и рос без должного внимания и заботы. Через три месяца после рождения ребенка его мать умерла от сильной простуды, а в 1739 году в возрасте одиннадцати лет он потерял и отца. По свидетельству современников, герцог мало интересовался сыном и успел передать ему только «несчастную страсть к военщине». Еще более равнодушен к мальчику был его дядя и опекун – ленивый и апатичный епископ Адольф Фридрих, доверивший воспитание ребенка людям грубым и невежественным. Среди них особенно выделялся обер-гофмаршал О.Ф. Брюммер, который испытывал к мальчику явную антипатию и подвергал его жестоким наказаниям за малейшие провинности. Об этом наставнике говорили, что он способен обучать лошадей, а не воспитывать принца. Неудивительно, что характер его подопечного оказался испорченным: в добром и послушном от природы ребенке поселился бестолковый демон противоречия, обуревавший его в течение всей дальнейшей жизни. Кроме того, частые унижения развили в мальчике вспыльчивость и нервозность. Несомненно также, что Брюммер определенным образом повлиял на мировоззрение своего воспитанника, которому он, как говорят, внушал превратные представления о России и русских.

Впечатлительного ребенка пугала непонятная страна, рисовавшаяся в его живом воображении огромной заснеженной пустыней с медведями и каторжниками.

Отрицательное отношение воспитателей голштейнского принца к России объясняется тем, что мальчика начали готовить к принятию шведской короны, потеряв всякую надежду на воцарение его в далекой «Московии». Правда, о Карле Петре Ульрихе в Петербурге помнили, и его имя нередко всплывало в различных политических планах. Существование вдали от России претендента на царский трон беспокоило императрицу Анну Ивановну, говорившую: «Чертушка в Голштинии еще живет». Опасения оказались не напрасны: потомки Петра Великого вернулись на политическую авансцену, когда исторические судьбы России и Швеции вновь пересеклись и в Петербурге началась подготовка дворцового переворота.

В июле 1741 года Швеция при поддержке союзной с ней Франции развязала войну против России под предлогом защиты прав на престол Елизаветы Петровны и ее племянника. Шведы даже хотели взять Карла Петра Ульриха в свою армию, рассчитывая, что присутствие в ней внука Петра I деморализует русские войска и поможет свергнуть правительство Анны Леопольдовны в результате интервенции. Этим планам не суждено было осуществиться, поскольку дядя юного голштейнского принца не дал согласия на участие его в подобной аванюре, а Елизавета Петровна сумела захватить престол без помощи шведского оружия.

Новая императрица поспешила вызвать племянника в Россию. Седьмого февраля 1742 года он прибыл в Петербург и был радушно встречен Елизаветой, обещавшей стать ему второй матерью. Через три дня двор с пышностью отпраздновал четырнадцатилетие голштейнского принца. Императрица приняла решение объявить его наследником престола, но до этого ему предстояло перейти в православие.

Радость Елизаветы Петровны от встречи с сыном любимой сестры несколько омрачалась заметными странностями в характере, манере поведения и даже внешности племянника. Небольшого роста, чрезвычайно бледный и худощавый, с напудренными белокурыми волосами, он выглядел моложе своих лет и казался слабым и болезненным ребенком. Держался он вытянувшись, как оловянный солдатик, и говорил чересчур громко, даже крикливо, пытаясь изъясняться на ломаном французско-немецком языке. Императрица особенно поразилась недостаткам его умственного развития и обратила преимущественное внимание на образование мальчика. Русским послам за границей было предписано разыскать и прислать в Петербург описания лучших систем воспитания, однако выбор Елизаветы Петровны в конце концов остановился на педагогическом труде, написанном в России. Автором его был член Петербургской академии наук Яков Яковлевич Штелин, носивший странное для современного читателя звание ординарного профессора поэзии и элоквенции (красноречия). Разработанная им система педагогических приемов позволяла осуществлять преподавание как бы незаметно, при наименьших усилиях ученика. Знакомя академика с Карлом Петром Ульрихом, Елизавета Петровна сказала племяннику: «Я вижу,

что ваше высочество должны еще многому научиться, и господин Штелин будет так приятно учить вас, что его учение покажется для вас забавою». Проэкзаменовав юного герцога в присутствии императрицы, Штелин обнаружил у него полное отсутствие каких-либо знаний, кроме посредственного владения французским языком. Однако академик обратил внимание на его удивительно цепкую память, интерес к форме предметов и страсть ко всему военному. Эти особенности умственного склада ученика Штелин использовал в процессе обучения. Все учебные пособия снабжались планами и картинками преимущественно военного содержания; русской истории мальчика обучали с помощью коллекции медалей и монет, а географии – посредством планов и описаний военных крепостей от Риги до южных и восточных границ России. Три раза в неделю Штелин читал своему ученику иностранные газеты и показывал упоминаемые в них страны на глобусе и картах. Затем он отправлялся с ним на прогулку и продолжал обучение на ходу, используя для наглядности встречающиеся по дороге предметы или явления: например, цветы и деревья способствовали получению «натуральных знаний», а дворцовые постройки иллюстрировали основы архитектуры. Процесс обучения Штелин фиксировал в особом журнале, благодаря чему до нас дошли уникальные сведения о характере, способностях и особенностях умственного развития будущего российского императора. Кроме того, Штелин оставил чрезвычайно интересные записки о жизни Петра III от рождения до свержения его с престола. Вот несколько замечаний академика по поводу ученика:

«От природы судит довольно хорошо, но привязанность к чувственным удовольствиям более разстраивала, чем развивала его суждения, и потому он не любил глубокого размышления».

«Любит музыку, живопись, фейерверк и проч.».

«Боялся грозы. На словах несколько не страшился смерти, но на деле боялся всякой опасности. Часто хвалился, что он ни в каком сражении не останется позади...»

«Он всегда чувствовал страх при стрельбе и охоте, особенно когда должен был подходить ближе. Его нельзя было принудить подойти ближе других к медведю, лежащему на цепи, которому каждый без опасности давал из рук хлеба».

Бросается в глаза одно из проявлений противоречивой натуры будущего императора: он мечтал о полководческой славе, но при этом отличался странной в его возрасте робостью. Но еще важнее замечание об особенностях умственного склада юноши, которое многое прояснит впоследствии.

Помимо академика, у мальчика были другие учителя и наставники, Много внимания уделялось его обучению русскому языку. Благодаря прекрасной памяти он быстро научился говорить, но никогда не знал язык как следует и плохо писал, предпочитая для этой цели французский. Особенно Карл Петр Ульрих ненавидел занятия с балетмейстером, но они были совершенно необходимы при дворе Елизаветы, танцевавшей лучше всех в Петербурге.

Учебные занятия Карла Петра Ульриха несколько раз прерывались, когда юношу готовили к переходу в православие. Усвоение догматов греко-российской веры давалось ему тяжело из-за его упрямства и привычки во всем противоречить. Кроме того, в Голштейне он успел уже в известной мере проникнуться духом протестантской религии. Многие современники утверждали, что в душе будущий император так и остался лютеранином; им можно поверить, поскольку протестантизм больше подходил складу его характера.

Седьмого ноября 1742 года Карл Петр Ульрих был крещен по православному обряду и получил имя Петр Федорович и титул великого князя. В тот же день был издан манифест о назначении его наследником российского престола. Примечательно, что во всех церковных воззваниях в связи с этим событием велено было при упоминании о наследнике всякий раз вставлять слова «внук Петра I». Очевидно, таким способом Елизавета Петровна рассчитывала окончательно убедить народ в законности династических прав своего племянника.

К тому времени шведы оказались на грани военного поражения, что побудило их предпринять своеобразную дипломатическую акцию. В декабре в Россию прибыла шведская делегация с предложением Петру королевской короны. Вероятно, эта миссия не особенно надеялась на успех своего дела, поскольку, по некоторым данным, делегаты имели при себе две заранее заготовленные грамоты: в одной из них содержалась просьба о вступлении юного голштейнского герцога в шведское престолонаследие, а в другой выражалось сожаление по поводу невозможности этой акции, так как он уже принял православие. Вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин недаром назвал королевское посольство «комедией». Судя по всему, главной целью этого мероприятия являлось спасение Швеции от окончательного разгрома и попытка вывести ее из войны с минимальными потерями.

По указанию руководителей российской дипломатии Петр Федорович в устной форме поблагодарил шведскую делегацию и отказался от предложенной ему чести, но официального акта отречения его от престола шведы не получили. Русское правительство справедливо считало, что прежде нужно урегулировать отношения России и Швеции. На мирной конференции двух держав в городе Або российская сторона настояла на том, чтобы шведский парламент избрал наследником престола дядю и бывшего опекуна голштейнского принца Адольфа Фридриха. Это условие стало одним из пунктов Абоского мирного трактата, заключенного между Россией и Швецией 7 августа 1743 года, после чего Петр Федорович подписал отречение от шведского престола. В этом документе обнародованном 20 августа, подчеркивалось, что он отказывается за себя и своих потомков

от доставшихся ему «в Королевско-Шведском Доме... наследственных претензий и прочих требований» по причине «соизволенного и совершившегося чинами Шведского Королевства избрания его королевского высочества и любви нашего государя дяди принца Адольфа Фридриха... наследником Шведской короны». Теперь судьба внука Петра I была связана с Россией бесповоротно.

Урегулировав отношения со Швецией, Елизавета Петровна задалась целью поскорее женить племянника. Его невеста София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская (в крещении Екатерина Алексеевна) была на год моложе нареченного и приходилась ему троюродной сестрой. Она прибыла с матерью в Петербург в феврале 1744 года. Первый разговор будущих супругов наедине был весьма примечателен. Петр Федорович вначале порадовался возможности говорить с девушкой по-родственному, как с сестрой, а потом рассказал ей, что влюблен в одну из фрейлин и хотел бы жениться на ней, но готов покориться воле тетушки. Екатерина вспоминала: «Я слушала, краснея, эти родственные разговоры, благодаря его за скорое доверие, но в глубине души я взирала с изумлением на его неразумие и недостаток суждения о многих вещах». Между женихом и невестой завязались дружеские отношения, носившие ребяческий оттенок из-за характера великого князя и юного возраста их обоих. Но такая дружба оказалась недолговечной и не переросла ни во что большее. Уже в мае следующего года Петр Федорович потерял к невесте интерес, а самой ей была неприятна даже мысль о предстоящем замужестве. Однако события разворачивались своим чередом, и никого не интересовали эмоции молодых людей, не принадлежавших самим себе. Двадцать первого августа 1745 года в церкви Казанской Богородицы состоялось венчание великокняжеской четы, положившее начало одному из самых несчастных браков.

Психологическая несовместимость Петра и его супруги стала заметна с первых дней их совместной жизни. Екатерина замечает: «Никогда умы не были менее сходны, чем наши; не было ничего общего между нашими вкусами, и наш образ мыслей и наши взгляды на вещи были до того различны, что мы никогда ни в чем не были бы согласны, если бы я часто не прибегала к уступчивости...» Екатерине особенно чужды были увлечения ее мужа. По ее словам, подтверждаемым современниками, он имел два любимых дела: «одно – пилить на скрипке, другое – дрессировать для охоты пуделей». Кроме того, она часто вспоминает, как ее супруг самозабвенно играл в солдатики и в куклы. Аналогичные свидетельства мы находим у Штелина, который даже составил список странных увлечений своего ученика, пытаясь его этим устыдить. Однако удивительные развлечения женатого молодого человека не прекращались, и наставник едва умудрялся спасать от них отведенные на учебу утренние часы. Заметим, однако, что в странных занятиях семнадцатилетнего наследника российского престола не следует искать признаки умственной недоразвитости: игра в солдатики была делом нешуточным, поскольку молодому человеку попросту не позволяли иначе реализовать свою тягу к военному искусству. Получив впоследствии возможность проводить настоящие маневры в Ораниенбауме, он перестал разучивать боевые построения на столе. Куклы также не были забавой идиота: великий князь вполне серьезно занимался созданием кукольного театра, который, как мы знаем, может представлять собой род деятельности весьма почтенных людей. Несправедливо было бы упрекать Петра Федоровича в

бессмысленности подобного времяпрепровождения, так как он почти не допускался Елизаветой Петровной к государственным делам и был вынужден искать применение переполнявшей его энергии. Встречающаяся в литературе версия об умственной неполноценности этого человека не подтверждается историческими источниками. Французский дипломат и писатель Клод Карломан Рюльер, лично наблюдавший Петра III во время своего пребывания в Петербурге, отмечал у него живой ум. Штелин, знавший способности своего ученика лучше других, говорил, что он «от природы судит довольно хорошо» и, кроме того, «довольно остроумен, в особенности в спорах». Профессор элоквенции утверждал также, что у Петра Федоровича была память «отличная до крайних мелочей», и Екатерина признавала, что он обладал «лучшей на свете памятью». Вряд ли это можно считать признаками умственной неполноценности. Но следует признать, что Петр отличался заметной инфантильностью и не любил напряженной работы ума: он соображал быстро, но поверхностно, не вникая зачастую в суть стоящей перед ним проблемы и обращая внимание преимущественно на внешнюю сторону предметов и явлений. Подобные недостатки мышления весьма распространены и вовсе не свидетельствуют об отсутствии умственных способностей. Важно и то, что Петр Федорович мог понимать и ценить ум своей жены, так как часто обращался к ней за советами и называл ее «олицетворенной находчивостью». Признание превосходства ума другого человека является, как известно, одним из признаков отсутствия собственной глупости. Впрочем, Петр искал поддержку Екатерины преимущественно в моменты отчаяния и упадка душевных сил, что случалось с ним нередко. Во время таких приступов черной меланхолии он говорил, что непременно погибнет в России, и жена настойчиво уговаривала его отбросить эту навязчивую идею.

Странности во взаимном обращении Петра и Екатерины бросались в глаза всему двору и очень беспокоили Елизавету Петровну. С целью морального воздействия на молодоженов императрица в мае 1746 года подчинила великокняжескую чету с ее свитой (так называемый «молодой двор») заботам обер-гофмейстера Николая Наумовича Чоглокова и его жены Марьи Семеновны, своей двоюродной сестры. Брак наследника престола являлся делом государственным, поэтому инструкцию Чоглоковым поручено было написать канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину. Документ содержит уникальные сведения о Петре Федоровиче, который предстает на его страницах ребячливым непоседой, человеком маловоспитанным, но беззлобным, доверчивым и не гордым в обращении с простыми людьми. Чоглоковым предписывалось следить за тем, чтобы он не возился «с солдатами или иными игрушками», не допускал «всякие шутки с пажам, лакеями или иными негодными и к наставлению неспособными людьми» и воздерживался от «пагубной фамильярности с комнатными и иными подлыми служителями». В инструкции отразилась и известная по другим источникам склонность Петра к шутовскому юмору: Чоглоковы должны были приложить старание, «дабы его высочество публично всегда серьезным, почтительным и приятным казался, при веселом же нраве непрестанно с пристойною благоразумностью поступал, не являя ничего смешного, притворного и подлого в словах и минах». По-видимому, шутки великого князя были порой небезобидны, поскольку его следовало удерживать «от шалостей над служащими при столе, а именно от заливания платей и лиц и подобных тому неистовых издеваний». В документе явственно проступают такие черты Петра Федоровича, как болтливость и откровенность, вредившие ему всю жизнь. Чоглоковы обязаны были следить за тем, чтобы он «более слушал, нежели говорил, более

спрашивал, нежели рассказывал, уверенность свою предосторожно, а не ко всякому употреблял, а молчаливость за нужнейшее искусство великих государей поставлял».

Особое внимание в инструкции было обращено на необходимость нормализации брачных отношений великокняжеской четы. Основной упор делался на Екатерину, которая должна была «угождением, уступлением, любовью, приятностью и горячностью» добиться нежности супруга и обеспечить осуществление «полезных матерних видов» продолжения династии.

Если верить мемуарам Екатерины, Чоглоковы действительно приложили немало усилий для появления на свет Павла Петровича 20 сентября 1754 года. Она намекает даже, что они с этой целью устроили ей любовную связь с камер-юнкером Сергеем Салтыковым. Вопрос слишком деликатен, чтобы трактовать его однозначно. Но нельзя не заметить сходства во внешности и в характерах Петра III и Павла I. Кроме того, Петр, вне сомнения, считал Павла своим сыном.

В тот год, когда родился первенец великокняжеской четы, началась любовная история Петра Федоровича, которая продлилась до конца его жизни. Сердце наследника престола завоевала юная фрейлина «молодого двора» графиня Елизавета Романовна Воронцова, крупная девушка с грубыми манерами и некрасивым лицом со следами оспы. Современники утверждали, что она похожа на трактирную служанку. Петр был по натуре влюбчив, и его вкусы имели широкий диапазон от некрасивой и сутулой Екатерины Бирон до общепризнанной красавицы Натальи Долгорукой. Как правило, его страсть вспыхивала мгновенно и так же быстро утихала, но привязанность к Воронцовой оставалась неизменной. Объяснение необычному для Петра Федоровича постоянству дал французский дипломат Ж.-Л. Фавье: «Эта девица сумела так поддаться под вкус великого князя и его образ жизни, что общество ее стало для сего последнего необходимым». Для Воронцовой это не составляло труда, поскольку она была очень похожа на Петра по характеру: столь же непосредственная до неприличия и остроумная до язвительности, но при этом добрая и прямодушная. Возможно, Петр видел в ней антипод своей жены, в которой мог подсознательно ощущать скрытого врага. Кроме того, в отличие от Екатерины, простая и невежественная Воронцова, по-видимому, уступала великому князю в интеллектуальном отношении, что должно было иметь существенное значение для его мужского самоутверждения. Заметим наконец, что в момент начала их романа Петру Федоровичу было двадцать шесть лет, а Елизавете – всего пятнадцать; в психологическом плане он еще имел возможность вылепить из нее все, что угодно, а недостатки ее внешности вполне могли компенсироваться очарованием юности. Впоследствии любовь к Воронцовой в немалой степени предопределила несчастную участь Петра III, в чем ни он, ни она, в сущности, не были виноваты.

В конце следующего года Екатерина увлеклась польским графом Станиславом Понятовским, находившимся в то время в Петербурге в качестве секретаря английского посольства. Их связь обнаружил Петр Федорович, который предложил жене перестать обманывать друг

друга. С этого времени они со своими «предметами» образовали своеобразный «квартет» приятелей и союзников. Понятовский вспоминал о том, как они несколько раз ужинали вчетвером, после чего великий князь уводил Воронцову со словами: «Ну, итак, мои дети, я вам больше не нужен, я думаю». Впрочем, близкие отношения великокняжеской четы, по-видимому, еще не были окончательно прерваны. Девочка, родившаяся у Екатерины 9 сентября 1757 года и нареченная великой княжной Анной Петровной, не вызвала у Петра Федоровича сомнений в своем отцовстве. Напротив, он, если верить Екатерине, «очень радовался рождению ребенка, устраивал у себя в комнате торжественные увеселения, велел праздновать это событие в Голштинии и с полным самодовольством принимал поздравления». Анна умерла от оспы в полуторагодовалом возрасте 12 апреля 1759 года. Примерно тогда же брак наследника престола окончательно приобрел формальный характер, хотя Екатерина рассчитывала остаться необходимой мужу, который по-прежнему прибегал к ее поддержке и советам.

Долгое время основным серьезным занятием Петра Федоровича являлись дела по управлению Голштейном, владетельным герцогом которого он стал 7 мая 1745 года. Наследник российского престола горячо любил свою германскую родину, что обещало в дальнейшем серьезно осложнить внешнюю политику России. Северная часть владений Голштейн-Готторпских герцогов – Шлезвиг – была захвачена Данией в 1713 году, и голштейнский принц с раннего детства проникся мечтами своего отца о восстановлении «попранной справедливости». Датское правительство предвидело неприятности в случае воцарения Петра Федоровича, поэтому предложило ему обменять Голштейн на датские владения в Германии Ольденбург и Дельменгорст. Переговоры по этому вопросу велись в течение нескольких лет, но однажды «его высочество внезапно изволил декларировать что сие дело пресечено быть имеет и он более о том слышать не хочет».

Вероятно, голштейнский патриотизм Петра Федоровича укрепился в 1754 году, когда Елизавета Петровна разрешила ему выписать из Голштейна большой отряд солдат и офицеров. Теперь он смог проводить в подаренном ему Ораниенбауме настоящие маневры и всецело отдался своему любимому делу. По словам Штелина, прибывшие в Россию голштейнские офицеры «возбудили в великом князе ненависть против Дании и желание отмстить датчанам за отнятие Шлезвига. При этом было страшное хвастовство». В компании офицеров Петр Федорович пристрастился к вину и курению, что вредно отражалось на его легковозбудимой натуре. Кроме того, новые товарищи укрепили в нем преклонение перед Фридрихом II и прусскими военными порядками. Между тем ожидалось вступление России в Семилетнюю войну. 14 марта 1756 года Елизавета Петровна вместе с Петром Федоровичем присутствовала на первом заседании Конференции при высочайшем дворе, после чего наследник престола стал считаться постоянным членом этого учреждения, призванного разрабатывать и осуществлять меры «к ослаблению короля прусского». Возможно, императрица рассчитывала, что ее племянник оценит оказанное ему доверие и в вопросе о предстоящей войне встанет на точку зрения правительства. Но Петр Федорович уже имел твердые убеждения в сфере внешней политики, являясь сторонником Пруссии и Англии и противником Австрии и Франции. Это проявилось со всей очевидностью в августе 1756 года, когда он отказался подписать решение Конференции о возобновлении русско-

французских дипломатических отношений. Елизавета сочла его поступок следствием чьих-то внушений и «велела спросить у великого князя, кто ему отсоветовал подписаться, и сказать, что это дело ею решено. Он ответил с досадой, принимают ли его за дурака, чтоб не видеть, насколько это дело плохо сделано... что никогда не заставят его играть роль бесчестного человека и подписать то, чего он не одобрял». Через несколько дней он все же подписал документ, но заявил, что «сделал это только для того, чтобы понравиться императрице, но вовсе не потому, чтобы он одобрял самое дело». В начале следующего года Петр Федорович, по словам Штелина, стал отказываться от подписей под протоколами Конференции, в которых находил решения о начале военных действий против Пруссии и союзнических «аудиенциях» российской, австрийской и французской дипломатии. При этом он «говорил свободно, что императрицу обманывают в отношении к прусскому королю, что австрийцы нас подкупают, а французы обманывают и... что мы со временем будем каяться, что вошли в союз с Австрией и Францией». Последняя подпись наследника престола под протоколом Конференции была поставлена 5 мая 1757 года, после чего он не участвовал в работе учреждения.

С этого времени Елизавета Петровна держала племянника в стороне от государственных дел и лишь 12 февраля 1759 года по рекомендации Шуваловых согласилась назначить его главным директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. К управлению этим военно-учебным заведением Петр отнесся с энтузиазмом: он присутствовал на занятиях, беседовал с учащимися, проявлял заботу об улучшении их бытовых условий, следил за обеспечением Корпуса всем необходимым, добился для него ряда привилегий, в том числе права печатать любые книги на русском, немецком и французском языках.

Объективный портрет Петра Федоровича накануне его вступления на престол обрисовал французский дипломат Ж.-Л. Фавье: «Вид у него вполне военного человека. Он постоянно затянут в мундир такого узкого и короткого покроя, который следует прусской моде еще в преувеличенном виде. Кроме того, он очень гордится тем, что легко переносит холод, жар и усталость. Враг всякой представительности и утонченности, он занимается исключительно смотрами, разводами и обучением воспитанников вверенного его попечением Кадетского корпуса». Фавье находил в великом князе долю сходства с Петром I и Карлом XII, но подчеркивал, что «сходство это чисто внешнее. Он подражает обоим в простоте своих вкусов и в одежде... От Петра Великого он главным образом наследовал страсть к горячительным напиткам и в высшей степени безразборчивую фамильярность в обращении, за которую ему мало кто благодарен». Проницательный дипломат выделил те черты наследника престола, которые впоследствии повлияли на результаты его царствования: «Иностранец по рождению, он своим слишком явным предпочтением к немцам то и дело оскорбляет самолюбие народа, и без того в высшей степени исключительного и ревнивого к своей национальности. Мало набожный в своих приемах, он не сумел приобрести доверия духовенства... Погруженные в роскошь и бездействие придворные страшатся времени, когда ими будет управлять государь, одинаково суровый к самому себе и к другим. Казалось бы, что военные должны его любить, но на деле не так. Они видят в нем чересчур строгого начальника, который стремится их подчинить дисциплине иностранных генералов».

Незадолго до кончины Елизаветы Петровны в кругу ее приближенных обсуждались возможности устранения Петра Федоровича от престолонаследия в пользу семилетнего Павла при регентстве матери или, возможно, И.И. Шувалова. Ходили слухи, что к таким мыслям склонялась недовольная своим племянником императрица. Реально помешать воцарению Петра Федоровича могли только Шуваловы, к которым великий князь долгое время относился неприязненно. Но в декабре 1761 года между ними произошло примирение при посредничестве близкого друга Ивана Шувалова – Алексея Петровича Мельгунова, являвшегося директором Сухопутного кадетского корпуса. Эта должность обеспечивала наибольшую близость к особе великого князя, благодаря чему Мельгунов смог, по выражению Екатерины, из прислужников Шуваловых сделаться их протектором. При поддержке шуваловского клана Петр Федорович уверенно вступил на престол и удивил всех неожиданными успехами.